

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЕЦ

г. Ереван

1-7 ОКТ 1980

ОСНОВА ОБРАЗОВ— ЖИЗНЬ

Сонмище богов в полном сборе. Решается проблема, которую поставил перед нами мужественный Геракл, причисленный было за свои 12 подвигов к клану всевышних. Проблема, долго казавшаяся неразрешимой даже на Олимпе: быть или не быть войне. Но вот, пораженный последним, тринадцатым подвигом Геракла (герой пожертвовал жизнью, отстаивая торжество мира), даже Зевс-громовержец отказывается сеять военные распри среди людей...

Мы на репетиции спектакля «Тринадцатый подвиг Геракла» по новой пьесе А. Цаха, который ставит в ереванском русском драматическом театре им. Станиславского его главный режиссер народный артист Армянской ССР, лауреат Государственной премии республики А. Григорян. В главной роли Геракла — молодой актер театра Владимир Кабанов.

— С такого рода образом сталкиваюсь впервые, — рассказывает Владимир. — И дело здесь, конечно, не только в особом ситуационно-временном контексте пьесы, перекликающейся с мотивами гомеровского эпоса (действие ее с Олимпа переносится в древнюю Трою). Основное, что привлекает в этом образе — его героический пафос, высокая устремленность личности. И, конечно же, современность главной идеи спектакля — идеи мира.

Образ Геракла сейчас еще, что называется, в работе. Если на первых этапах репетиций мы выдвигали на первый план его рациональное, деятельное начало, то сейчас за основу раскрытия образа взято иное качество: непосредственность этой сильной природы, немного даже граничащая с наивом ее нравственная чистота. Думаю, что именно в этой не совсем традиционной предложенной режиссером редакции и предстанет Геракл перед зрителем в премьеры, которая состоится в театре в этом месяце...

В труппе русского театра В. Кабанов пятый год. А до этого было училище им. Щепкина при Малом театре в Москве. Дипломный спектакль, в котором его увидел А. С. Григорян. Предложение работать в Ереване.

— Принял его тогда сразу и с радостью, — вспоминает Владимир. — Во-первых, мне были предложены интересные, сложные, разнообразные роли, о которых начинающему актеру, выпускнику театрального училища, приходилось разве что мечтать. А во-вторых, Александр Самсонович, человек чрезвычайно обаятельный — сразу расположил к себе. Захотелось работать именно с этим режиссером в «его» театре. Первое впечатление не замедлило подтвердиться, с первых дней работы в театре почувствовал особый стиль общения, вернее, сотворчества с молодыми актерами.

— Расскажите подробнее о своем сценическом дебюте.

— Он был не совсем обычный еще и потому, что этот спектакль — «Пани Маличевска» по пьесе польского драматурга Запольской ставил в театре режиссер из ПНР Ванда Лисковская. И сыграл в спектакле небольшую, но интересную роль Эдека, сироту-школяра, которому довелось с младых ногтей познать бедность, одиночество, увидеть, как втаптывают в грязь чувства самые святые, высокие. Но лейтмотив этого образа — чистота цельной природы юности, которого не озлобили, не ожесточили непростительно переживаемые им невзгоды. Путеводная звезда Эдека в жизни — это тяга к знаниям, и он идет к ней настойчиво, зарабатывая крохи на хлеб и учебники тем, что пишет сочинения для нерадивых и высокомерных отпрысков богатых родителей.

— Как у всякого нового в театре актера у вас особенно в первое время было много вводов в спектакле — уже готовые сценические произведения. Это всегда сообщает актерской работе особую специфику...

— И особую трудность в адаптации к уже сложившемуся решению постановки, которых мне, к счастью, удалось избежать благодаря той атмосфере доброжелательности, которая царит в коллективе театра. В спектакле «Высота мужества», основанном на документальном материале времен Великой Отечественной, впервые после училища столкнулся с военно-патриотической темой. Роли типа солдата Пузырева, проявившего высочайшее мужество перед лицом смерти, всегда привлекали меня на сцене.

Запомнился еще один ввод в спектакле по пьесе З. Халафяна «Кольбеленая», где я оказался... четвертым Арташесом (молодой архитектор, парень самостоятельный, большой романтик в жизни и в работе). Эта роль была очень интересна, потому что спектакль молодежный, современный по духу, стилистике, проблематике. И кроме того, очень «ереванский», в нем поднят и интересно разрешен ряд проблем, характерных для будней нашего города.

— Вам довелось уже играть и в постановках классической драматургии. Какую роль считаете наиболее для себя значительной?

— Прежде всего, конечно, Росс в шекспировском «Макбете», спектакле, снова изобретательно, самобытно

поставленном А. Григоряном. Это одна из постановок, если можно так выразиться, монументальных, которые становятся основой репертуара театра, определяют во многом его лицо. В образе Росса особенно привлекают перенесенные на иную историческую почву, но имеющие всю ту же вечную нравственную подоплеку: благородство, героизм, огромная воля.

А еще? Довелось сыграть Митрофанушку в «Недоросле». Причем интересно, что в театре решили несколько отойти от традиционной трактовки Митрофана — физического и морального увальня, подчеркнуть в нем как основную черту — его единствующий эгоизм.

— В ходе фестиваля творческой молодежи русский театр представил на суд зрителей четыре спектакля. В одном из них, «Утиной охоте», вы играете главную роль. Встреча с вампильской драматургией — это всегда встреча с характерами сложными, противоречивыми, ищущими, с логикой отношения героев, поднятых на высоту точного и глубокого психологического обобщения. Какую черту природы Зилова вы взяли за основу этого образа?

— Отсутствие такой основы, путь к ней, поиск ее. Именно через эту черту образа, данного драматургом в динамике, в процессе перестройки, совершенствования характера помог найти мне А. Григорян, поставивший этот спектакль. Главная проблема, которую мне предстояло разрешить, играя Зиловым, — проблема наличия в этом образе всех нравственных положений, глубоко положительных, столь же глубоко отрицательных, переходных, нейтральных. Зилову по пьесе 33 года, и Александр Самсонович пошел на определенный риск, поручая мне эту роль, — я значительно моложе своего героя. Но пьеса настолько честная, актуальная, жизненная, что невольно многие положения ее делаешь мериллом своей собственной личности, своего поведения, и повседневная жизнь, отношения, встречи с людьми дают возможность для роста, корректировки этой роли. Это и стало для меня своеобразным ключом к Зилову.

— И еще один наш современник, роль совсем иного плана — Лампасов из «Игры воображения» Брагинского. «Правильный» человек, изысканный, всегда лишь проходными истинными, за внешней респектабельностью которого ужасающая нравственная нищета, цинизм (чем не вариант образчик современного Молчалина?). Чем интересна была работа над этой ролью?

— Основой смысла этого образа — резкое, часто сатирическое в традиционной для Брагинского манере, обличение типа современного приспособленца. Драматург предоставляет актеру, пожалуй, уникальную возможность для раскрытия психологической подоплотной такого человека. Подоплотная эта — в целой галерее его масок, проявления в разных ситуациях. Причем сам драматург не всегда до конца раскрывает эти маски. Мы и после премьеры все еще продолжаем спорить о решении целого ряда сцен. В этих спорах очень помогли сами зрители — ведь по реакции, степени причастности зала часто чувствуешь, насколько правдиво решен тот или иной эпизод.

— Вы были заняты во всех детских постановках театра. Что дала вам работа в них?

— Обожаю детскую аудиторию: ведь дети — самый внимательный, самый пристальный, самый чуткий, самый благодарный зритель. Кого сыграл в детских спектаклях? Серого волка в «Красной шапочке», Кота в постановке «Маша и Витя против диких гитар», льва Бонифация в спектакле «Спортивные страсти в стране МультиПулти». Было время, когда играл в этом спектакле и роль Карлсона, но у ребят острый глаз: костюм и гримом их не обманешь. Когда почувствовал, что из первых рядов партера на меня начинают подозрительно коситься, от Карлсона пришлось отказаться.

— Судя по целому ряду сыгранных вами ролей, у вас уже начало складываться своеобразное амплуа. Ваш герой в разных вариациях — натура чистая, благородная, стремящаяся к утверждению идеала добра. Однако бытует и такое мнение, что амплуа не всегда положительно сказывается на творческом росте актера, подчас оно понимается актером как возможность идти по проторенной дорожке уже проверенного, принятого артиста «универсального» образца, отказавшись от поиска новых форм, средств выразительности.

— Вряд ли следует согласиться с таким мнением. Мне представляется, что именно в рамках амплуа можно найти основу для наиболее глубокого, целенаправленного актерского поиска. А благодатная неисчерпаемая почва для такого поиска — окружающая нас жизнь, встречи, общение с людьми.

— Каковы ваши планы?

— Планы актера всегда такие же, как и у театра. Сейчас главные наши планы — закончить работу над «Гераклом».

Беседу вел М. Вартанян.

